

**ВЕРИЛИ
В ПОБЕДУ
СВЯТО**



Константин Рокоссовский

ВОСПОМИНАНИЯ
МАРШАЛА

ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ



АЗБУКА

МОСКВА

УДК 94(47+57)"41/45"
ББК 63.3(2)622
Р66

В книге использованы рукописные тексты и фотографии
из архива семьи Рокоссовских.

В оформлении обложки использован кадр
из документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой»
из фотоархива РИА Новости:

Командующий 16-й армией Западного фронта
генерал-лейтенант Константин Рокоссовский (второй справа)
с командирами разрабатывают план наступления под Истрой.

Рокоссовский К. К.

Р66 Воспоминания маршала : полная версия / Константин Константинович Рокоссовский. — М. : Азбука. Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. + вкл. (24 с.).

ISBN 978-5-389-27062-6

Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский (1896–1968) — один из «авторов» Победы в Великой Отечественной войне — в конце жизни выступил в роли автора книги, посвященной ее важнейшим этапам и сражениям. Опубликованные вскоре после его смерти, мемуары стали последним «солдатским долгом», с честью исполненным маршалом.

Советская цензура сократила или переписала почти половину рукописи. Настоящее издание воспроизводит авторский текст полностью. Его дополняют письма и фотографии из семейного архива, многие из которых публикуются впервые, а также предисловие Ариадны Рокоссовской, правнучки маршала. Книга будет интересна всем, кто интересуется отечественной и военной историей.

УДК 94(47+57)"41/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-389-27062-6

© Рокоссовский К. К., наследники, 2024

© Рокоссовская А. К., предисловие, 2024

© С. Щербаков/РИА Новости

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2024

Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся исторический парад в честь Победы над Германией в Великой Отечественной войне. Командовал парадом маршал Советского Союза и Польши, дважды герой Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. По воспоминаниям его адъютанта, подполковника Михаила Федоровича Клыкова, перед тем как занять свое место рядом с войсками, Рокоссовский сказал ему: «Оказанная честь командовать парадом — это нам награда, Михаил Федорович, за большой и трудный боевой путь, пройденный от Москвы до Берлина, многолетнюю военную жизнь. Так подтвердим звание хороших, бывалых кавалеристов!» — и молодежато вскочил на коня.

Ни об этом, ни о том, что происходило в его жизни до и после Великой Отечественной войны, мой прадед не написал в своих воспоминаниях. Он сознательно начал со слов: «Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи». О том, что было перед этим в жизни его и многих его соотечественников — об эпохе репрессий — он хотел рассказать, но, видимо, не смог найти нужные слова.

В черновике второй главы воспоминаний, сохранившемся в семейном архиве, Рокоссовский писал: «После тридцатимесячного срока пребывания в заключении, под следствием, был освобожден и полностью реабилитирован. Вышел на свободу, задавая себе неразрешенный вопрос, кому и для какой цели понадобилось все то, что было проделано в 1937 году. Ведь удар был нанесен по наиболее подготовленным кадрам руководящего состава Красной армии. Своими делами и кровью доказавшим свою безграничную преданность Коммунистической партии, Советской власти и социалистической Родине. Последствия проделанной черной работы сказались уже в финскую кампанию. Красная армия оказалась к моменту назревающих событий оголена. Многолетняя работа партии над воспитанием и подготовкой военных кадров была сведена к нулю.

На руководящих постах звено высшего командного состава, за исключением единиц, оказались малоопытные, не подготовленные к руководству в военное время кадры. Одной преданности и храбрости для ведения войны в современных условиях оказалось недостаточно...»

Но Рокоссовский сам вычеркнул из мемуаров этот и другие фрагменты, относившиеся к репрессиям, к его аресту по ложному доносу в августе 1937 года и освобождению в марте 1940 года, после которого он смог воссоединиться с любимыми женой Юлией Петровной и дочерью Ариадной и поехать с ними в Сочи. О том, что ему пришлось пережить в заключении в печально известных ленинградских «Крестах», он никогда никому не рассказывал. Только один раз, спустя много лет, на вопрос дочери, почему он всегда держит при себе маленький браунинг, Константин Константинович ответил: «Если за мной придут еще раз, живым не дамся».

Не написал Рокоссовский и о том, как в юности учился скакать на коне в дядюшкином поместье «Пулапин» под Варшавой, как совершал первые военные подвиги в Первую Мировую, как во время Гражданской войны сражался в Забайкалье с дивизией барона Унгерна. Не рассказал, как вернулся в родную Польшу в 1945-м году уже советским маршалом и командующим Северной группой войск, а в 1949 году — министром национальной обороны и маршалом Польши. Он написал только о том, о чем хотел написать — о Великой Отечественной войне. Для него, как и для большинства советских людей его поколения, это было главным событием в жизни.

В 1960-е годы многие полководцы публиковали свои воспоминания. Не все они были до конца правдивыми. Некоторые военачальники позволяли себе вольное обращение с фактами, в том числе и касающимися непосредственно прадеда и операций, в которых он участвовал. Боевые друзья просили Рокоссовского сказать свое веское слово. Он участвовал в ключевых сражениях Великой Отечественной, бывал и в окопах, и на командных пунктах, и там, где принимались главные решения. Соратники настаивали: кто, если не он? Но Рокоссовскому, не пасовавшему перед трудностями на войне, было непросто решиться на этот шаг.

Свою книгу прадед начал писать уже в конце жизни, когда был тяжело болен. Писал он сам — от руки, не прибегая к помощи литературных обработчиков, стенографистов. Правил по старой фронтовой привычке цветным карандашом. По несколько раз переписывал отдельные фрагменты и целые главы. Посылал рассеянным

по стране сослуживцам письма с просьбой уточнить ту или иную деталь. Окончив очередную главу мемуаров, отправлял ее с адъютантом в машбюро, где печатались два экземпляра: один для автора, второй — в Главное политическое управление Советской армии. Там воспоминаниями занимались цензоры: вырезали или переписывали неправильные, с их точки зрения, куски, приводили мемуары в соответствие с текущей линией партии. Работа над книгой была окончена за несколько дней до смерти прадеда 3 августа 1968 года. Представитель «Воениздата» привез ему сигнальный экземпляр. Рокоссовский спросил: «Много переписали?» Тот промолчал. Спустя несколько месяцев его книга была опубликована.

Но, к счастью, в семейном архиве остался первоначальный вариант его воспоминаний, а также черновики, блокноты с записями, его статьи. И в 1990-е годы внукам Рокоссовского удалось хотя бы частично восстановить справедливость. Вырезанные или переписанные цензурой фрагменты были опубликованы, причем не вместо, а после измененного цензорами текста — в конце каждой главы. Теперь у читателя есть возможность прочитать эти версии и сравнить их. И сделать выводы.

Мне в книге прадеда дороже всего именно эти восстановленные фрагменты. В них его чувство юмора, его «фирменная» самоирония и при этом — факты, о которых он хотел рассказать, и глубокий анализ военной ситуации, который цензура хотела скрыть от читателей. В этих фрагментах чувствуется Рокоссовский — его взгляд, его отношение к описываемым событиям, его эмоции.

О том, как воспринимал происходящее на войне мой прадед, лучше всего написал военкор, писатель Александр Бек, приехавший к нему в 16-ю армию, когда она сражалась под Москвой на Волоколамском направлении. В очерке Бека «Штрихи» говорится: «Рокоссовский сам произнес слово, которое я подыскивал, стремясь схватить стержень его личности.

— Страсть, военная страсть, — сказал он, когда однажды мы разговорились о характерах некоторых известных полководцев.

Такая страсть — «военная страсть» — безраздельно владеет Рокоссовским».

Во время Великой Отечественной войны благодаря этой страсти раскрылся его полководческий талант. И тогда же он выработал свой уникальный стиль руководства и встретил друзей на всю жизнь — свою команду, которая переходила с ним с фронта на фронт. Моя бабушка, дочь маршала, вспоминала, что прадед ценил

мужскую дружбу, считал ее одним из самых высоких проявлений человеческого духа. И на войне Рокоссовский был не один, рядом с ним всегда были «свои»: начштаба Малинин, командующий артиллерией Казаков, начальник бронетанковых войск Орёл, начальник тыла Антипенко, начальник связи Максименко и др. Тот же Бек вспоминал о том, как работала эта команда: «Можно, конечно, написать: Рокоссовский предвидел, Рокоссовский разглядел, Рокоссовский направил свой резерв, но все это не было бы истиной. Работал штаб — целая фабрика мысли, целый комбинат управления».

Сам Константин Константинович объяснял Беку:

- На войне все совершает коллектив.
- А командующий?
- Командующий всегда должен это помнить. И подобрать коллектив, подобрать людей. И давать им развернуться.
- А сам?
- Сам может оставаться незаметным. Но видеть все. И быть большим психологом.

Младшая сестра прадеда Хелена, с которой он не виделся с 1914 года, когда поступил в 5-й драгунский Каргопольский полк, нашла его, когда советские войска освободили оккупированную немцами Варшаву. Она осталась с братом до конца войны, видела триумф Победы в Германии, присутствовала во время встречи Рокоссовского с фельдмаршалом Монтгомери и на параде Победы в Москве. Впоследствии она вспоминала, что, принимая награды и почести, Константин Константинович всегда испытывал дискомфорт. А лучше всего он чувствовал себя в окружении солдат и у семейного очага. Он не хотел славы и написал эту книгу, чтобы выполнить свой последний воинский долг.

Ариадна Рокоссовская

ЗАВТРА — ВОЙНА

Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи. После этого был приглашен к Народному комиссару обороны маршалу С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня. Вспомнилось мне начало 30-х годов — 3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С. К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того — любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в обращении и товарищескую доступность. Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936–1937 годах). Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г. К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом.

Опыт, приобретенный в дни освободительного похода, был очень полезен. Мы, командиры, старались опираться на него, организуя боевую подготовку войск.

Конец 40-го года ознаменовался для меня новым назначением. Я стал командиром 9-го механизированного корпуса, который еще предстояло сформировать. Это было полной неожиданностью. Ведь я провел в коннице двадцать семь лет. Начал службу в 5-м Каргопольском драгунском полку старой русской армии в августе 1914 года. Пробыл в кавалерии всю Первую мировую войну. После октября 1917 года — опять в коннице, в рядах Красной Армии.

Словом, я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошел хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку, от командира эскадрона до командира корпуса. Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов.

Переход на службу в новый род войск, естественно, вызвал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках? Но воодушевляли оказанное доверие и давний интерес к бронетанковым соединениям, перед которыми открывались богатые перспективы. Все, вместе взятое, придало мне бодрости, и, следуя поговорке, что «не боги горшки обжигают», я со всей энергией принялся за новое дело, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами.

Нужно сказать, что уже в Первую мировую войну конница стала терять свое былое значение. Появились на театре военных действий массовые армии, насыщенные автоматическим оружием (пулеметы), скорострельной артиллерией, танками и авиацией. Образовались сплошные фронты. Войска, зарывшиеся в землю и огородившиеся колючей проволокой, исключали успешные действия кавалерии в конном строю. Конница наряду с пехотой была посажена в окопы, конь стал преимущественно средством передвижения. Гражданская война в России воскресила ненадолго роль конницы. Это опреде-

лялось особыми обстоятельствами, в первую очередь тем, что на полях сражений не было сплошных фронтов. Конница, как наиболее подвижный в то время род войск, приобрела тогда большое значение. Этому способствовали сравнительно еще богатые в стране ресурсы конского поголовья. Сказывалось и наличие старых кавалерийских кадров. Брошенный Коммунистической партией клич «Пролетарий, на коня!» быстро осуществился, и красная кавалерия сказала свое веское слово в разгроме внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

Годы шли. Народ претворял в жизнь лозунг партии — догнать передовые капиталистические страны в развитии современной промышленности. Пятилетки создавали возможность оснащать армию более совершенным вооружением. Развивалась и военная мысль. Наша военная наука далеко шагнула вперед по сравнению с военной наукой крупных капиталистических государств. Тогда на Западе были в ходу такие теории, как теории Дуэ и Фуллера. В одном случае превозносилась роль авиации, способной будто бы самостоятельно решить исход войны, в другом — возможности танковых войск. У нас же и танкам, и авиации, и артиллерии, и пехоте отводилось свое место, а в целом в основу подготовки Вооруженных Сил было положено взаимодействие всех родов войск, нашедшее выражение в теории глубокого боя, разработка которой связана с именами М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова и других.

Были, конечно, ярые конники, сохранявшие еще увлечение кавалерией, но не они делали погоду. Формирование бронетанковых соединений началось как раз за счет некоторого сокращения конницы.

И уже во второй половине 30-х годов наши Вооруженные Силы имели значительное количество сформированных и сколоченных механизированных корпусов оперативного назначения.

Организационная структура Красной Армии и боевая готовность войск полностью соответствовали задачам, стоявшим

перед армией социалистического государства. На должной высоте находилась и подготовка командного состава во всех звеньях. Основная масса командиров и политработников имела к тому же боевой опыт, приобретенный в Первой мировой и Гражданской войнах. Наши Вооруженные Силы способны были нанести сокрушительный удар по любому врагу, рискнувшему напасть на Советскую Родину.

Правда, в конце 30-х годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск.

Нападение фашистской Германии на Польшу и молниеносный разгром ее вооруженных сил, несмотря на мужество большинства солдат и офицеров, и еще более трагический исход военных действий во Франции подтвердили, каким преимуществом обладала Германия, создавшая мощные бронетанковые и моторизованные войска, а также сильную авиацию.

С этого момента у нас возобновилось интенсивное формирование механизированных корпусов. Радостно было сознавать, что наконец восторжествовали правильные взгляды и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня.

Итак, распрощавшись с кавалерией, я стал танкистом.

9-й мехкорпус состоял из трех дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н. В. Калинина, 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М. Е. Катук (оговорюсь, что из-за болезни командира в первые дни войны 20-ю водил в бои его заместитель полковник В. М. Черняев).

Наш корпус находился в непосредственном подчинении командования Киевского Особого военного округа.

Одна мысль руководила нами: чем быстрее приведем корпус в боевую готовность, тем лучше выполним свой долг перед народом и партией. Уже в процессе формирования раз-

вернули всестороннюю боевую подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Ведь большую часть людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать начиная с азов. Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть закончил Академию имени М. В. Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался подготовке нижестоящих штабов, дисциплинируя их работников и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль — требовательность и чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев.

Время не ждало. Фашистская Германия, опьяненная своими успехами на Западе, приступила к операциям на Балканах, покоряя одну страну за другой. Все мы, военные, чувствовали, что приближается момент, когда и наша страна — хотим мы того или нет — будет втянута в водоворот разбушевавшейся войны.

Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт.

Сколько эта «оттяжка» продлится, в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными

войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования.

Мне, как увидит читатель, недолго пришлось командовать 9-м мехкорпусом в период войны, но я храню в душе признательность его офицерам за то, что они поняли своего командира, глубоко осознали, насколько необходимы были все наши мероприятия, продиктованные пониманием неизбежности близкой войны. То, что было сделано в те дни, не прошло бесследно, и мы это почувствовали в июне 41-го. Я не зря старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность, решительность и смелость. Только командир, обладающий такими качествами, мог быть на высоте требований, предъявляемых боем.

Этого мы добивались изо дня в день, с верой в силы людей. И коллектив офицеров корпуса отвечал инициативной, самостоятельной работой. Была создана атмосфера высокой бдительности. Мне было известно, что и в других корпусах с тревогой и озабоченностью готовились ко всяким неожиданностям.

В мае 1941 года новый командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель.

В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлении вероятных действий корпуса и на других участках. Строительство укрепленного района только развертывалось.

Я не касался тогда и не касаюсь сейчас проблем большой политики, а рассуждаю как командир, накопивший к 1941 году практический боевой опыт и знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии.

Даже по тем скудным материалам, которые мне удавалось получить из различных источников, можно было сделать не-

которые выводы из действий немецких войск в Польше и во Франции. Немцы заимствовали некоторые положения теории глубокого боя. В наступательных операциях ведущую роль они отводили танковым, моторизованным соединениям и бомбардировочной авиации; сосредоточивали все силы в один кулак, чтобы разгромить противника в короткие сроки; наносили удары мощными клиньями, ведя наступление высокими темпами по сходящимся направлениям. Особое значение они придавали внезапности.

Именно поэтому мы старались держать порох сухим.

Невольно вспоминалась мне служба в Приморье и в Забайкалье в 1921–1935 годах. При малейшей активности соседа или в случае передвижения его частей по ту сторону границы наши войска всегда были готовы дать достойный отпор. Все соединения и части, находившиеся в приграничной зоне, были в постоянной боевой готовности, определяемой часами. Имелся четко разработанный план прикрытия и развертывания главных сил; он менялся в соответствии с переменами в общей обстановке на данном театре. В Киевском Особом военном округе этого, на мой взгляд, недоставало. Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И. И. Федюнинский, С. М. Кондрусев, Ф. В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у Ивана Ивановича Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений,

еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой. Делалось все, что было в пределах наших сил и прав, начиная с систематического наблюдения за разработкой мобилизационных документов. В частности, проверили народно-хозяйственный автотранспорт, приписанный к корпусу. К сожалению, в гражданских организациях этому вопросу не уделяли должного внимания. (Скажу сразу: в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся с 22 июня в приграничной зоне, 9-й мехкорпус не получил ни одной машины из приписанных по плану мобилизации; она, кстати, была объявлена уже в момент выступления корпуса в боевой поход.) И самое тревожное обстоятельство — истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть. Учебная техника была на износе, моторы доживали свой срок. Пришлось мне ограничить использование танков для учебных целей из опасения, что мы, танкисты, окажемся на войне вообще без каких бы то ни было танков. 21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз. Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили все держать наготове...

Являясь участником¹ Первой мировой от ее начала и до конца, а также Гражданской войны и Октябрьской социалистической революции, я приобрел богатый практический бое-

¹ Здесь и далее курсивом напечатаны фрагменты, восстановленные по авторской рукописи, поскольку в изданиях советского периода они были изъяты цензурой. В ряде случаев ранее опубликованные тексты воспроизведены повторно ради сохранения логики повествования.

вой опыт. Познал, что такое война в полном смысле этого слова. Прилагая много усилий к изучению военного дела, получил достаточно глубокие знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии. С юношеских лет увлекался военно-исторической литературой, отображавшей развитие военного искусства начиная с походов Александра Македонского и римских полководцев и т. п.

Служба в Красной Армии, в войсках, располагавшихся в приграничных районах, многому меня научила. Во всяком случае, имел полное представление обо всех мероприятиях, проводимых в войсках, в задачу которых входило обеспечение (прикрытие) развертывания главных сил на случай войны. Боевая готовность этих войск всегда определялась не днями, а часами.

Для приграничных районов существовал и особый режим, ограничивавший посещение этих районов не проживавшими здесь лицами.

В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих.

Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам

не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев.

Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтной полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа...

Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наши печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения.

Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны.

Около четырех часов утра 22 июня дежурным по штабу мне была вручена телефонограмма из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного па-

кета, хранившегося в штабе корпуса. В пакете имелась директива, в которой указывалось о немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк и далее.

К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб.

Неясность обстановки заставила нас в соответствии с положением о походном движении в предвидении возможной встречи с противником организовать разведку и охранение. Вызывало недоумение то обстоятельство, что в воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации, в то время как немецкая появлялась довольно часто. Преимущественно это были бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте и без сопровождения истребителей.

О причинах этого мы вскоре узнали при виде разбитых и сожженных немецкой авиацией наших самолетов, так неразумно сосредоточенных на аэродромах, расположенных в приграничной полосе.

Совершив в первый день 50-километровый переход, основная часть корпуса, представлявшая собой пехоту, выбилась совершенно из сил и потеряла всякую боеспособность. Нами не было учтено то обстоятельство, что пехота, лишенная какого бы то ни было транспорта, вынуждена на себе нести помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50-мм и 82-мм минометы и боеприпасы. Это обстоятельство вынудило сократить переходы для пехоты до 30–35 км, что повлекло за собой замедление и выдвигание вперед 35-й и 20-й так называемых танковых дивизий.

Мотострелковая дивизия, имевшая возможность принять свою пехоту, хотя и с большой перегрузкой, на автотранспорт и танки, следовала нормально к месту назначения, к исходу дня, оторвавшись на 50 км вперед, достигла района Ровно.

Учитывая это, мы решили со штабом корпуса выдвинуться вперед на направление движения 35 танковой дивизии, с тем чтобы проследить переправу последней через реку Горынь южнее Ровно. Начальник штаба генерал-майор А. Г. Маслов отдал распоряжение о подготовке командного пункта, для чего вперед выслал взвод саперов на машинах.

Прихватив с собой батарею 85-мм пушек, предназначавшуюся для противотанковой обороны, двинулись вперед к месту предполагаемого расположения КП. Дорога пролегла через огромный массив буйно разросшихся хлебов, достигавших высотой роста человека. И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие — в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружили два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танков, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам.

Биографии и мемуары
Өмірбаяндары мен естеліктер

Константин Рокоссовский
ВОСПОМИНАНИЯ МАРШАЛА
ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

Ответственный редактор *И. Музыка*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Технический редактор *Л. Ситицына*
Корректор *Е. Бударгина*
Компьютерная верстка *Е. Днепров*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.10.2024.
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура «Petersburg». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,87 (вкл. вклейку). Тираж 4000 экз.
О-VPS-36062-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

